

Прокопий нигде не критикует сложившуюся в Византии систему иерархии должностей и титулов, столь заметно отличавшуюся от существовавшей в Риме. Напротив, он убежден в ее целесообразности. Более того, он за то, чтобы статус чиновной аристократии был прочен, сопряжен с богатством¹³⁸ и имел бы определенные гарантии; он также за то, чтобы эта аристократия сама себя воспроизводила¹³⁹, давая своим отпрыскам образование, причем не только традиционное риторическое, но и юридическое, являвшееся в глазах Прокопия настолько необходимым, что в понятие «ритор» он, как и другие его современники, в качестве весьма существенного компонента включает знание законов¹⁴⁰ — факт, совершенно немыслимый для Либа-ния¹⁴¹.

Сознательно или бессознательно он поднимает чиновную знать Византии до уровня сенаторской аристократии Рима, наследницей традиций которой он ее хочет видеть¹⁴². Одну из таких традиций Прокопий описывает следующим образом: «Издrevле сенат, являясь к императору, приветствовал его следующим образом. Кто был патрикием, целовал его в правую часть груди, а император, поцеловав его в голову, отпускал; остальные уходили, преклонив перед ним правое колено»¹⁴³. Между тем вполне очевидно, что это был чисто византийский обряд, сложившийся, скорее всего, не ранее V в., не говоря уже о том, что сама процедура в константинопольском сенате была иной в принципе, ибо в Риме император являлся в сенат, а не сенаторы приходили к императору.

Этот пассаж, однако, интересен как свидетельство того, что Прокопий разделял заблуждения своего времени, как разделял он и существовавшие в Византии VI в. представления о знатности. Его сочинения со всей очевидностью показывают нам, что, хотя категория родовитости продолжала существовать, наибольшей знатностью даже со стороны культурной элиты общества наделялись те, кто занимал высшие посты в военно-административном аппарате империи. И даже культурная элита хочет видеть эту имперскую аристократию наследственной, богатой и окруженной почетом, правда выдвигая ей взамен требование образованности как гаранта мудрого правления государством¹⁴⁴. В этом и заключался главный итог эволюции представлений о знатности в ходе IV—VI вв.

¹³⁸ Ibid. XII. 51—2.

¹³⁹ Ibid. XVII. 31—32.

¹⁴² См., например, Н. а. VIII. 13—24; XIV. 7—8, где параллель между римским и константинопольским сенатом наиболее очевидна.

¹⁴³ Н. а. XXX. 21—22.

¹⁴⁴ Ibid. XX. 17.

¹⁴⁰ Ibid. XX. 17.

¹⁴¹ *Libanii Or.* LXII. 21.